

Костров А. В.

**ГОДОВОЙ ОТЧЁТ ПРОТИВОРАСКОЛЬНИЧЕСКОГО МИССИОНЕРА-ПРОПОВЕДНИКА
ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/7-1/37.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч. I. С. 90-91. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ГОДОВОЙ ОТЧЁТ ПРОТИВОРАСКОЛЬНИЧЕСКОГО МИССИОНЕРА-ПРОПОВЕДНИКА ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Костров А. В.

Иркутский государственный университет

Проблема раскола русского православия продолжала волновать отцов церкви и в начале XX в. по истечении двух с половиной веков со времени свершения этого факта российской истории. Это объяснялось, прежде всего, тем, что старообрядчество не только сохранялось, но и продолжало достаточно активно развиваться в означенный период. Этому, кроме прочего, способствовала реформа конфессиональной политики, начатая правительством в 1905 г. и давшая старообрядцам целый ряд прав. С одной стороны, старообрядчество законодательно выводилось за рамки «раскола», т. е. ереси, с которой были призваны бороться миссионеры официальной церкви. С другой, старообрядческие толки и согласия обрели новые перспективы развития. Это вело к усилению опасности переходов в староверие и как следствие – к настороженности представителей официальной церкви к своему «основному внутреннему конкуренту». Этим объясняется тот факт, что миссионеры-проповедники, которые должны были теперь заниматься в основном раскольниками-сектантами и обращать внимание на староверов не более чем на представителей других разрешённых конфессий, после 1905 г. стали негласно больше внимания уделять именно старообрядческому вопросу. В частности, должность епархиального миссионера-проповедника во всех официальных документах, вышедших после 1905 г., обозначается как «противосектантская». А вот в письме от 21 апреля 1911 г. архиепископу Иркутскому и Верхнеленскому от ректора Казанской духовной академии, по поводу назначения на это место выпускника этого учебного заведения Анатолия Васильева, эта должность упоминается ещё и как «противостарообрядческая» [1: 16]. Из этого можно сделать вывод, что миссионеры-проповедники разных епархий и после конфессиональных реформ продолжали курировать старообрядческий вопрос. Более того, из года в год из Синода в епархии присылались запросы о состоянии старообрядчества на местах, а духовные консистории, в свою очередь, требовали отчётов по этому вопросу, как от приходских священников, так и от епархиального миссионера-проповедника.

В силу того, что епархиальный миссионер был самым серьёзным специалистом по старообрядчеству в епархии, его отчёты отличаются развёрнутостью и информативностью. В качестве примера можно взять «Отчёт Противораскольнического миссионера-проповедника Забайкальской епархии игумена Серафима за 1911 г., имеющего объём около 20 листов [2].

Составлению этого документа предшествовал запрос из консистории с предложением предоставить отчёт о состоянии Забайкальской противораскольнической миссии [2: 1]. В ответ был составлен отчёт, который в основном был посвящён не раскольникам-сектантам, а старообрядцам. Более того, в тексте отчёта старообрядцы продолжают настойчиво называться «раскольниками», а их согласия – «сектами». Это, кроме прочего, говорит о том, что отношение представителей официальной иерархии к старообрядчеству после реформ 1905 г. кардинально не изменилось.

По сути, годовой отчёт епархиального миссионера-проповедника представляет собой аналитическую справку, в которую собраны сведения о старообрядческих общинах региона (территория расселения, количество, распространённые согласия, часовни, духовные лица, отношение к другим группам населения и к духовным и светским властям). Вся эта информация снабжается комментариями по ключевым вопросам реализации старообрядчества в Забайкалье.

Игумен Серафим начинает свой отчёт с описания территории расселения старообрядцев. При этом он пишет, что «местный раскол сосредоточен почти в одном Верхнеудинском уезде ... по рекам Хилок, Селенга, Куйтун и т.д.» и «занимает одну из лучших плодородных местностей Забайкалья» [2: 3]. Далее идёт перечисление волостей и населённых пунктов, где живут старообрядцы. При этом приводится название 25 сёл и деревень. Общее же количество старообрядческого населения, по мнению игумена Серафима «простирается до 53 000 душ обоёго пола» [2: 3].

Характеризуя хозяйство староверов, миссионер-проповедник отмечает, что в материальном отношении они «имеют перед православными большое превосходство» и «живут зажиточно». Последний факт автор отчёта объясняет тем, что «раскольники народ вообще трудолюбивый и живой» и тут же оговаривается: «хотя в поведении далеко уступает православным» [2: 3 об.].

Особое внимание миссионер уделяет культовой стороне жизни старообрядцев. Им приводится информация о согласиях, часовнях, уставщиках. По его наблюдениям «местный раскол распадается на три группы: беглопоповщинская (две трети всего раскола), беспоповщинская и австрийская» [2: 3 об.]. При этом уделяется внимание разным сторонам общественной жизни этих согласий (раскол в среде беглопоповцев, проблемы развития австрийской иерархии и т.д.). Продолжая описывать религиозную сферу жизни старообрядцев, Серафим замечает: «во всех почти раскольнических селениях есть молитвенные дома (часовни) устроенные за последние годы на подобие храмов с колоколами» [2: 6]. То есть храмы были построены в основном после 1905 г. и имели вид православных часовен и церквей. Примечательно, что служебная этика не позволяла миссионеру официальной церкви напрямую назвать их храмами.

Говоря об уставщиках, игумен Серафим отмечал, что они «среди своих толков имеют громадное значение» [2: 5 об.], что «наставниками и начётниками часто у них бывают и женщины» [2: 4 об.] и что они

«пользуются слепым доверием ... своих последователей» [2: 4], несмотря на то, что они «невежды, малограмотны и едва умеющие читать по славянской грамоте» [2: 6 об.]. Такая негативная характеристика понятна, если учесть, что именно уставщики выступали основными активными оппонентами в спорах с миссионерами. Вместе с тем, Серафим отмечал, что «местные раскольники к православному духовенству и вообще к православию относятся равнодушно без враждебности» [2: 5 об.].

Характер отношения староверов к светской власти характеризуется тем, что они отказались вести метрические книги и как следствие «по своему усмотрению сдают детей в военную службу» [2: 6]. Подобное положение можно охарактеризовать как пассивное неприятие и вынужденное подчинение.

По наблюдениям автора отчёта, смешанные браки между старообрядцами и представителями других групп населения, и в частности с православными «бывают не редко», но при этом «перевес в религиозном отношении» почти исключительно на стороне староверов [2: 6 об.]. То есть, при заключении смешанных браков другая сторона, как правило, принимала староверие. Последнее может говорить об осторожном отношении староверов к такого рода бракам и к стремлению во что бы то ни стало сохранить целостность своей конфессиональной группы.

Сохранялось настороженное отношение староверов и к официальной школе, ибо в описываемый период «главными воспитателями и учителями детей раскольников состоят их уставщики и наставники» [2: 6 об.]. При этом высказывается замечание, что некоторые старообрядцы были бы не против отдать своих детей в школу при условии, что это не поставит под вопрос ретрансляцию своей религиозной традиции и не отяготит их экономически.

Рассмотрев годовой отчёт игумена Серафима за 1911 г. можно сделать вывод, что этот документ содержит в себе три основных информационных блока. К первому блоку можно отнести общую характеристику старообрядчества Забайкалья (территория расселения, количество, хозяйство и т.д.). Ко второму блоку относятся вопросы внутренней организации староверия в регионе (согласия, часовни, уставщики, священники, внутренние споры и т.д.). К третьему блоку можно отнести вопросы отношения к другим группам населения, официальной церкви и власти (смешанные браки, отношение к школе, метрике, военной службе и т.д.). В се эти комплексы информации, как по отдельности, так и в системе могут быть использованы для исследования разных исторических вопросов.

В целом, можно сделать вывод, что годовой отчёт епархиального миссионера-проповедника является информативным источником, освещающим разные стороны жизни забайкальских старообрядцев в начале XX в. Его профессиональный анализ и использование в системе с другими историческими источниками позволит обогатить историческое знание о проблемах реализации православия в Забайкалье.

Список литературы

1. **ГАИО.** Ф. 50. Оп. 1. Т. 3. Д. 13635. Л. 1-18
2. **ГАЧО.** Ф. 8. Оп. 1. Д. 949. Л. 1-20

К ВОПРОСУ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ПРАВАМИ ЛИЦАМИ, УЧАСТВУЮЩИМИ В ДЕЛЕ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

*Крипакова Д. Р.
Астраханский государственный университет*

Проблемы злоупотребления правом, их анализ и практическое разрешение стали весьма актуальными и обсуждаемыми темами в российской юридической литературе. Дискуссия зачастую носит общий характер и сводится к оценке законности или противоправности действий лица, обладающего субъективным правом, или же к толкованию ст. 10 Гражданского кодекса РФ - единственной в нашем законодательстве нормы, содержащей определение злоупотребления правом.

В правоприменительной практике квалификация действий по воспрепятствованию разрешения дел как злоупотребление процессуальными правами не всегда корректна и бесспорна. В большинстве случаев участвующие в деле лица совершают действия, создающие затруднение в развитии и завершении судебного процесса. Однако эти действия основаны на конкретных процессуально-правовых и материально-правовых интересах; они нередко представляются способом обеспечения судебной защиты лица, участвующего в деле.

Злоупотребление процессуальными правами имеет место и в арбитражном процессе. Однако законодательного определения злоупотребления правом в процессуальных правоотношениях в ходе отправления правосудия, его более-менее четких критериев не существует, что вызывает на практике немало проблем.

Процессуальными правами обладают только лица, участвующие в деле. Статус такого лица возникает после принятия искового заявления (заявления) и возбуждения производства по делу (ст. 127 АПК РФ), и лишь с этого момента можно говорить о злоупотреблении процессуальными правами. Следовательно, пода-